

ЗА РОДИНУ

№ 18 (418)

Четверг, 27 января 1944 г.

Цена 50 коп.

Русская ежедневная газета. Главный редактор Анатолий Стенос. Редакция в Пскове и Риге. Адрес: Рига, улица Рихард Вагнера 57. Из освобожденных областей следует писать в газету через Центральную русскую почту: Feldpost Nr. 39609 Ru (Z. R. P. «За Родину»). Деньги за подписку — 16 руб. в месяц (с доставкой по почте) и деньги за объявление (плата за стандартное объявление 30 руб.) переводить почтовым денежным переводом по адресу: Postcheckamt Riga, Konto 337 («Sa Rodinu»)

Вера

В. М. Деспотули

Нашему взрослому поколению мало ведомы утхи юности. Жизнь слишком рано возложила на наши плечи тяжелые задачи. Долг перед отчизной властно требовал от нас служения молоду.

И уйдя из обывательской среды в 1914-15 г. г. на фронт, — мы так и не вернулись к уюту мирной жизни, оставшись навсегда фронтовиками.

Разочаровавшись во многих водителях, мы не потеряли веры в свой народ ни в 1917 году, ни в 1920 году, когда, оставляя последнюю пядь родной земли, мы вышли в море, в неизвестном направлении.

Мы верили всей силой своих юных сердец, что правда — с нами. Что правда воцарится на русской земле с ярким светочем счастья в руках. Мы верили, что не будет ни слез, ни вражды, ни бескrestных могил. Наши друзья отдавали свои жизни за эту веру. Едва успев предать земле их тела, не остывшие юные тела, наскоро покрыв их ветхой шинелишкой, — мы спешили дальше. К победе. Что победа будет с нами — мы никогда не сомневались. Ибо свет всегда побеждает тьму.

Мы знали, что оставшиеся в живых должны завершить дело погибших за счастье и величие родины. Очень рано привыкли мы смотреть в лицо смерти. Не только на боевых участках фронтов. Лик смерти часто звал нас к ответу и в так называемой мирной жизни: на ступенях галатской лестницы, в болгарских рудниках, в лагерях Польши, у подножья Триумфальной арки. Наши силы редели, но вера никогда не оскудевала.

Вера наша не угасла и тогда, когда коронованные владыки мира жали руки тем, кто велел убить царя, а на международных судилищах заседали откормленные рожи финкельштейнов.

Нас гнали из одной страны в другую, лишали права на работу, преследовали как «бело-бандитов», а мировые криминалисты пожимали плечами, что наименьший процент преступлений приходится именно на нас. Наши дети, учившиеся на последние гроши, шли в школы всего мира первыми.

Мы верили, что если не нам, то хоть детям нашим дано будет познать новую жизнь.

Много ли нас было, мало ли — мы не знали. У нас не было опросных листов, производств за выслугу лет, орден за отличие.

Спины наши, может быть, и согнулись под тяжестью физической работы, но духа нашего не могли угасить ни мандели с рубинштейнами — слева, ни держиморды — справа. В глазах наших так же ярко, как и в первые дни, вооруженной борьбы против большевиков, — сияла вера в правду жизни.

Над нами смеялись, когда мы на двадцатом году существования безбоянной иудо-коммунистической власти твердили о близящемся конце ее, о грядущем торжестве Правды.

Мы шли раз избранным путем, на который были приведены нашей верой. Никогда не отступая, ни перед кем не кланяясь, ничьих порогов не обивая, — мы твердо, торжественно верили в то, что низвергнута будет сатанинская власть, и нам дано будет послужить отчизне.

«Вера без дел — мертва есть». Мы работали по углублению этой веры в самих себе, во внедрению ее в других, по укреплению — в слабейших.

И вот теперь, когда голоса из освобожденных областей нашей родины обращаются к нам, как к родным; теперь видим мы, что не дон-кихотством была наша вера.

Мы не закрываем глаз на многие трудности, ожидающие нас и наш народ на пути восстановительных работ, но мы знаем, что, если юности нашей не дано было вкусить от плодов счастья, то остаток наших дней мы отдадим служению родной земле. А это ли не самое большое счастье?

БОИ У КЕРЧИ

Неудачный десант противника

Главная ставка Фюрера, 24 января. Верховное Командование германских вооруженных сил сообщает:

У Керчи противник, не прекращая сильных атак, одновременно пытался высадить новые силы. Неприятельские атаки отбиты с большими для противника потерями. В районе одного вклинения еще идут ожесточенные бои.

Между Припятью и Березиной все неприятельские попытки прорвать фронт также окончились неудачей.

Севернее Неваля германским оборонительным огнем отбиты повторные советские атаки, поддерживаемые танками.

Севернее Ильменского озера и юго-западнее Ленинграда германские войска ведут тяжелые оборонительные бои. Продолжавшиеся весь день атаки численно превосходящих сил противника отбиты или задержаны германскими войсками. При этом только лишь юго-западнее Ленинграда уничтожено 57 советских танков. На нескольких участках идут ожесточенные бои с вклинившимися боевыми группами противника.

Юго-восточнее Ленинграда германские части, оставив выдвигавшуюся вперед излучину фронта и заняли новые подготовленные позиции.

В южной Италии повторные сильные неприятельские атаки, производившиеся широким фронтом, после ожесточенных боев потерпели неудачу.

В районе десантного плацдарма у Неттуно неприятельские разведывательные отряды отброшены назад.

Германские торпедные и истребительные самолеты атаковали военные суда десантного флота противника. С достоверностью установлена гибель одного неприятельского эсминца, другой эсминца, повидимому, также потоплен. Отмечены попадания в крейсер противника, небольшое военное судно и одну десантную лодку, водоизмещением в 2500 брт. Над Италией огнем зенитной артиллерии и истребителями сбито восемь самолетов противника.

Прошлой ночью отдельные английские самолеты сбросили бомбы на западную Германию. Над занятыми западными об-

ластями уничтожено три неприятельских самолета.

Германский истребитель подводных лодок в Средиземном море потопил подводную лодку противника.

Упорные бои в южной Италии

Берлин, 26 января.

В течение последних дней на южно-итальянском фронте в районе впадения реки Гарильяно, севернее Минтурно, было отбито несколько ожесточенных атак противника. Наступательные операции неприятельских войск, несмотря на поддержку артиллерии и танков, окончились полной неудачей.

Западнее Кастельфорте германские танковые гренадеры в ходе контратаки отбили у противника важные высотные позиции и предотвратили попытки англо-американских войск снова захватить утерянные позиции. Число пленных англо-американцев на участке к северу от реки Гари возросло до 500 человек. В этом районе противник понес особенно большие потери.

В районе десантного плацдарма у Неттуно англо-американцы новых успехов пока не добились.

Успешный налет японской авиации

Токио, 24 января.

Японская морская авиация 23 января совершила налет на неприятельские позиции на острове Арау и у мыса Меркуса. Попаданиями бомб вызваны большие пожары и взрывы.

Тяжелые атаки произведены на неприятельские позиции на Новой Британии, где также отмечены пожары и взрывы. Японская авиация потерь не имела.

Партизаны в тылу у Сталина

Леса полны вооруженными группами

Командир 174-го стрелкового полка, дважды орденосец, майор Николай Сватов с группой уцелевших бойцов перешел на сторону немцев.

На вопрос, что его заставило перейти, он рассказал следующее:

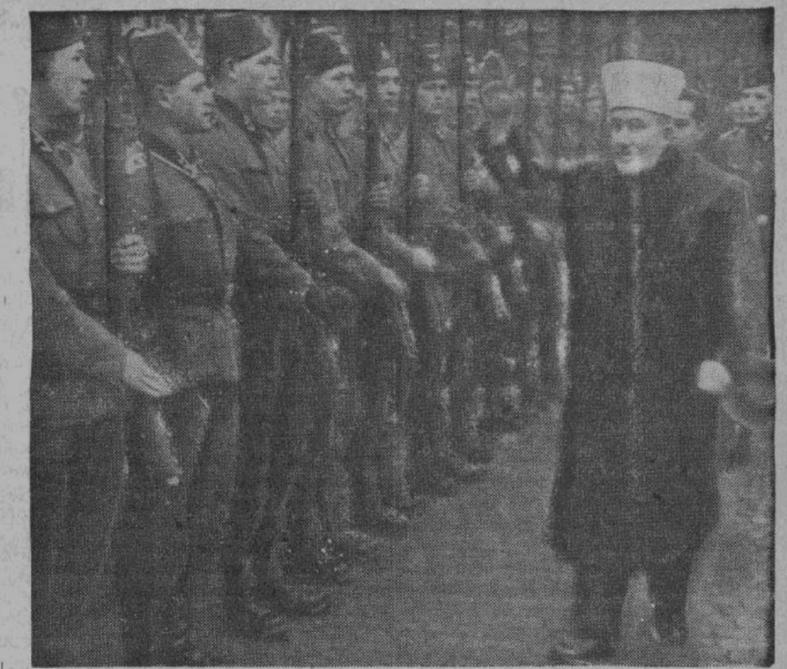
«Я на фронте с 23-го сентября 1941 года. Два раза попадал в окружение, был ранен в голову и грудь. Одно время командовал карательным батальоном по борьбе с партизанами в тылу. Три месяца мы боролись с повстанческими отрядами между Ростовом и Краснодаром. Но эти отряды были настолько сильны, что я вынужден был потребовать помощь. В мое распоряжение дали отряд комсомольцев в 360 человек, с двумя пушками, во главе с капитаном Смирновым. Но в районе Нальчика в сентябре 1943 года нас разбили. Удалось спастись только нескольким человекам. Здесь меня ранило в голову. 13 дней пролежал я в новочеркасском госпитале. Когда стали выписывать, я, чувствуя себя еще плохо, попросил недельный отпуск домой в город Рязань. По при-

езде туда, я узнал, что жена давно умерла от недоедания, детей же, по словам соседок, забрали в неизвестный приют. Тогда я понял, что проливал кровь бессмысленно. Когда я снова попал на фронт, то при первом удобном случае перешел к немцам.

Алексей Горнев, лейтенант 213-го саперного батальона, рассказывает:

«Леса полны вооруженными группами. Они растут и объединяются в сильные партизанские отряды, которые имеют даже артиллерию. Наша часть два раза сталкивалась с партизанами в северной части Кавказа. Один раз бой шел восемь часов. В нем участвовала наша полковая артиллерия. Все же мы вынуждены были отступить. Железные дороги, в особенности в лесистых местностях, как ни охраняются, противосоветские партизаны все же часто взрывают. Кроме того, они грабят поезда с боеприпасами и оружием, которые направляются на фронт.

Целые части Красной армии уходят в леса вместе с командованием. Из

Глава мусульманской церкви Великий муфтий Иерусалимский принимает почетный караул одной мусульманской части Германской армии.

Туркестанский легион

Ненависть к большевизму побудила туркестанцев вступить в национальное военное формирование — в туркестанский легион. Они одеты в немецкую форму с собственным национальным знаком на правом рукаве, изображающим Самаркандскую мечеть.

С того времени, когда в сводках германского командования впервые появилось сообщение о том, что в военных действиях принимают участие и части, сформированные из местного населения, среди батальонов, вернувшихся после жестоких боев, продолжавшихся месяцами, был и туркестанский легион.

С тех пор десятки тысяч туркестанских добровольцев прошли через школу этих, испытанных в боях людей, многие из которых имеют орден за храбрость, штурмовой пехотный значок или немецкий значок за ранения. Самые способные из них откомандировываются на унтер-офицерские курсы и в офицерские школы, по окончании которых они назначаются командирами рот или батальонов.

Их глубокая религиозность, сохранившаяся и в годы, прожитые под

властью большевиков, помешала им проникнуться большевистским духом. Возможность свободно исповедовать свою мусульманскую религию, окончательно сняла с них последний налет большевистского влияния. Этому помогло и знакомство с открывшимся перед ними новым миром. Частые поездки легионеров в Германию и длительное пребывание — иногда по несколько недель — в германских городах дали возможность добровольцам ознакомиться с культурными, хозяйственными и социальными достижениями Германии.

Б.

Голод в оккупированной Италии

Рим, 25 января.

Тяжелое положение населения в итальянских областях, занятых англо-американцами, в последнее время до того обострилось, что радио-станция Бадольо в Бари выступила открытым призывом о спешной помощи голодающему населению.

В обращении подчеркивается, что англо-американцы весь свой тоннаж предали в распоряжение снабжения своих войск. В призыве о помощи подручные Бадольо просят снабдить занятые области Италии хотя-бы известными запасами зерна.

Против воздушных пиратов

София, 25 января.

Болгарская газета «Речь» касается планов плутократов в связи с особенно жестокими террористическими налетами англо-американцев на столицу страны Софию. Газета подчеркивает, что в лагере противника надеялись воздушным террором сломить дух болгарского народа. Лондонские и Вашингтонские гангстеры, однако, жестоко просчитались. Болгарский народ никогда не предаст исторические права и интересы своего государства.

Миниатюрные подводные лодки

Новое германское оружие

Как известно, американско-японская война началась уничтожающим ударом японцев на американский флот в Тихом океане. С первого же дня войны в американской укрепленной гавани и опорном пункте военных морских сил Пирль-Харбуре были потоплены в течение нескольких минут крупнейшие американские боевые корабли. Этот огромный японский успех был достигнут с помощью нового японского морского оружия миниатюрных подводных лодок, управляющихся двумя человеками. Эти подводные лодки долго держались японцами в секрете, и даже до настоящего времени они еще технически не разгаданы противниками, хотя некоторые японские официальные сообщения и два снимка дали известное представление об этом новом военном оружии. Несколько недель тому назад, в Северном и Черном морях, у берегов Атлантического океана так же неожиданно появилось германское морское оружие. Это — совершенно новая подводная лодка.

Сперва было выпущено только несколько подводных лодок такого типа. Поэтому, до сих пор о них было немного известно, в частности, что их экипаж состоит из пяти человек. Во время плавания на поверхности

видна только маленькая серая башня командного мостика и гладкая палуба; на переднем плане находится короткая, едва высовывающаяся из воды мачта и тупой буг; видны также головкой торпед по бокам подводной лодки, высовывающиеся из специальных аппаратов. Внутри подводная лодка очень узка. От излишних удобств тут приходится отказаться; предназначено в первую очередь место для ценного груза — смертельных торпед. Для того, чтобы перебраться с одного конца лодки в другой, приходится ползти в согбенном положении. Место для командира — у перископа и рычага, выпускающего торпеды. Рулевой следит за погружением и подъемом лодки и контролирует глубины и монитор.

Командир, рулевой и телеграфист разделяют между собой дежурства на мостике, в то время, как техник и пятый из экипажа следят неотступно за моторами и работами у колес, рычагов и выключателей. На рулевого возложены также обязанности повара; в перерывах между исполнением приказов, рулевой варит на электрической плите еду для экипажа. Несмотря на свою миниатюрность, такие подводные лодки явятся грозной опасностью для судоходства противника.

Немецкая легкая зенитная артиллерия на передовых позициях охраняет расположение германских войск от налетов советской авиации.

Фюрер принял Квислинга

Главная ставка Фюрера, 24 января. Фюрер принял норвежского министр-президента Квислинга. Во время продолжительного совещания обсуждались вопросы совместной борьбы против общих врагов Европы.

„Рекорды“ подлости

Знатный забойщик треста «Каганович - Уголь» Юмашев добыл недавно 72 тонны угля за одну смену. Поблудел от зависти в своей могиле Алексей Стаханов. Затрясли шахтеры и шахтерки треста «Каганович Уголь». Что значит для рабочего СССР каждый такой стахановский рекорд? Это означает, что с новой силой обрушится на рабочих нагайка погонщика: «Берите пример с товарища Юмашева!» «Равняйтесь по передовикам!» «Будем множить ряды юмашевцев!» И так далее, и тому подобное. Старая песня. И тысячи измученных и голодных шахтеров и шахтерок, из-за провокатора Юмашева, вынуждены будут гнать себя еще лишние часы в шахтах, добывая юмашевского рекорда. Сам герой, совершивший свой «трудовой рекорд», в тепле и сытый будет заседать на конференциях и производственных совещаниях и читать свой доклад на тему «Как я добился повышения производительности труда».

Непоколебимая сила германской обороны

Стокгольм, 24 января.

«Сила германской обороны не только не ослабевает, но, наоборот, возрастает», — вынуждена признать лондонская и вашингтонская печать. Это мнение все чаще встречается в английских и американских газетах, а также в радио-комментариях. Плутукраты с горечью сетуют на положение в Италии и на восточном фронте, полностью противоречащее прежним иллюзиям. Так, военный обозреватель американской газеты «Чикаго Сан» в одной из корреспонденций с итальянского фронта пишет: «Подполковник Прайс мне открыто сказал, что нет никаких признаков, указывающих на ослабление немцев. Если германцы и уступают незначительный клочок территории, то нам за каждую льяд земли приходится дорого платить. Каждый местный отход немецких частей проводится в полном порядке и лишь после соответствующего приказа».

В этом отношении, — подчеркивает обозреватель, — мы не должны создавать себе каких-либо иллюзий. По сведениям из достоверных нейтральных источников, немецкий народ исполнен веры в будущее. Немцы убеждены, что им удастся разрешить все проблемы, связанные с воздушной войной. Немцы пользуются своими большими организационными способностями и прилагают все свои силы, чтобы еще больше укрепить оборону Германии. Это не предположение и слухи, а несомненные факты. К силе германской обороны нужно относиться с полной серьезностью, дабы не попасться на удочку легкомысленных мечтателей.

Схематическая карта северного и среднего участков восточного фронта.

В таком же духе положение на театрах военных действий освещает обозреватель американского радиодина Петерсон. «Многие англичане и американцы», — говорит Петерсон, — спрашивают себя как долго немецкий народ будет в состоянии выносить тяжесть террористических налетов».

Почему рождается больше мальчиков

Немецкий профессор исследует причины, влияющие на пол зарождающегося ребенка.

Уже более ста лет обращает на себя внимание одно загадочное явление: во время войны рождается больше мальчиков, чем девочек. Долгое время удовлетворялись объяснением, что Бог, природа или закон, правящие миром, заботятся о том, чтобы возместить павших во время войны мужчин. Но в наш век исследований и точных наук подошли к этому вопросу иначе: прибегли к исследованиям, воспользовались статистикой, взвесили данные и стали доискиваться причины.

уже рождается больше мальчиков. В Германии прирост выразился в 2,5 проц., что составляет 25.000 на один миллион рождений.

Немецкий профессор Лудвиг Халле пробует дать объяснение этому удивительному влиянию войны. Исходя из теории образования пола профессор Халле пришел к предположению, что или при зачатии больше зарождаются мальчиков вообще, или при умирании зародышей меньше умирает мужских.

Для дальнейшего освещения этой проблемы он останавливается на различных факторах современных условий жизни, влияющих на пол будущего ребенка. В настоящее время нужно считать установленным, что дети, рождающиеся в брачном союзе у относительно молодых матерей, в городах, — в семьях, материально более обеспеченных, а также в деревнях, первенцами в большинстве случаев рождаются мальчики. Меньше рождается мальчиков при внебрачных союзах, у сравнительно немолодых матерей, и в городских семьях, материально плохо обеспеченных.

Из всех перечисленных условий, благоприятных для рождения мальчиков, во время войны отпадают два:

рождения в браке и рождения в материально обеспеченных семьях. Во время войны сглаживается материальная обеспеченность между различными слоями населения. Кроме того, все женщины работают и, таким образом, в случае беременности, имеют одинаковые возможности оберегать себя и создаются одинаковые условия для развития зародыша.

Кроме этого, профессор Халле считает, что повышение рождаемости мальчиков нужно приписать усиленному известным влиянием, которые пагубно действуют на женский зародыш и ведут к учащению рождений мальчиков. По всей вероятности, причину усиления этих влияний во время войны нужно искать в изменении питания. Произведенные над животными опыты с соответственными изменениями пищи, дали результаты, подтверждающие это предположение.

Исчерпывающего объяснения пока еще не может быть дано, но продолжают тщательные исследования и опыты, и в один прекрасный день найдут ответ на вопрос, почему во время войны рождается больше мальчиков.

С. Я.

Союз Хорватии с Германией

Загреб, 25 января

В хорватской печати появилась статья премьер-министра Хорватии, в которой автор пишет о причинах, побудивших Хорватию вступить в Союз с Германией. Этот союз является предначертанным самой историей союзом двух дружественных народов, — говорится в статье. Германская культура и германские завоевания имели глубокое влияние на развитие культуры в Хорватии. Но также и в области экономической жизни одно государство дополняет другое. Таким образом, политическая основа союза Хорватии с Германией отнюдь не случайна и создана общностью мировоззрений обоих народов.

Что рассказывают военнопленные

Сто граммов зерна на трудодень

Даже советские газеты иногда проговариваются и не могут скрыть тревоги по поводу все обостряющегося продовольственного положения в стране. Попадающие иногда к нам в руки письма из советского тыла, а также рассказы советских бойцов, недавно попавших в плен, раскрывают истинное положение с продовольствием в Советском Союзе.

Так, красноармеец Александр О. рассказывает:

«После тяжелого ранения мне дали отпуск, который я хотел провести дома. Приехав в деревню, я застал там полный развал. В колхозе, где и раньше было не весело, сейчас люди совсем приуныли. Посевная площадь, правда, не уменьшилась, но благодаря плохой обработке почвы и отсутствию удобрений, урожай получился очень низкий, так что собирали не больше 6-7 центнеров с гектара. Но и этот урожай не смогли собрать полностью, так как в колхозе нет тягловой силы, а МТС также не в состоянии обеспечить полностью уборку. А в тех колхозах, где и удалось полностью собрать урожай, он настолько мал, что его все равно на год не хватит. По предварительным расчетам, на человека придется не более ста граммов зерна, так что крестьяне обречены на настоящий голод».

Пленные, уроженцы Средней Азии, указывают на невероятную спекуляцию хлебом. Чувствуется надвигающийся голод. Жители, предчувствуя голодную катастрофу, стремятся сделать хоть какие-нибудь запасы и продают последний скраб, чтобы купить лишние килограммы хлеба.

Один попавший в плен врач рассказывает, что советские амбулатории переполнены. Основная масса больных жалуется на плохое питание, в результате которого люди без конца болеют. Все чаще в городах и селах

наблюдаются эпидемии тифа. Много болезней появилось из-за употребления в пищу различных суррогатов.

Многие пленные рассказывают о судах над так называемыми «парикмахерами». Это голодающие, пробирающиеся на поля и стригущие колосья. Недавно было осуждено три школьника за то, что они срели на колхозном поле мешок колосьев.

Показания пленных вполне совпадают с жалобами, которыми полны письма, посылаемые из глубокого советского тыла.

Советский Союз стоит на пороге настоящей продовольственной катастрофы.

Со всего света

Берлин. — В Средиземном море германский истребитель подводных лодок потопил глубинными бомбами неприятельскую подводную лодку.

Рим. — 22 января англо-американская авиация бомбардировала расположенную вблизи Рима летнюю резиденцию Папы. Произведены большие разрушения.

Париж. — На днях в Париже состоялось собрание французского добровольческого легиона. Собрание велось под лозунгом «Еврейский вопрос должен быть разрешен». Собрание единодушно решило вести непреклонную борьбу с еврейством.

Стокгольм. — Семьсот химиков и металлургов автомобильных заводов Форда начали забастовку.

Женева. — Чтобы воспрепятствовать проникновению тифа и малярии в США, там введен карантин для экипажей военных самолетов, прибывающих из Африки.

Токио. — При налетах на Рабаул японская противовоздушная оборона в течение непродолжительного времени сбила 572 неприятельских самолета.

Лиссабон. — В Бразилии, в штате Рио-Грандо де Сул обвалился величайший мост Южной Америки. Убито и ранено много людей.

Накин. — Правительство национального Китая приняло решение переименовать область Сухуси в провинцию Хуайхай по имени реки Хуай, протекающей через провинцию. Столица — город Хсуэюффу.

(Продолжение 52-ой)

Бригадир беззаботно передернула плечами. — Где разная, а где и нет. Тут гаражи, электростанция, мастерская, мельница. Кого пошло не поставили. Тут заводят рабочие, которые с квалификацией, с царского времени рабочие.

Квалифицированный рабочий, да еще с царского времени — это было уже ясно, определенно и весьма утешительно. Сто тридцать пять процентов выработки, лежащие в моем кармане, потеряли характер приятной неожиданности и приобрели некоторую закономерность: рабочий — всемогущий, квалифицированный, да еще царского времени, не мог не оказать нам, интеллигентам, всей той поддержки, на которую он при данных обстоятельствах мог быть способен. Правда, при «данных обстоятельствах» наш, еще неизвестный мне, командант кое-чем и рисковал: а вдруг бы кто-нибудь разоблачил нашу фактическую выработку? Но в Советской России люди привыкли к риску и не только за себя самого.

Не знаю, как кто, но лично я всегда считал теорию разрыва интеллигенции с народом — кабинетной выдумкой, чем-то весьма близким к так называемым сапогам всмятку, одним из тех изобретений, на которые так охочи и такие мастера русские пишущие люди. Сколько было выдумано всяких мировоззренческих, мистических, фидеосифических и потусторонних небесил! И какая от всего этого получалась путаница в терминах, понятиях и мозгах! Думаю, что ликвидация всего этого является основной, насущнейшей задачей русской мысли.

В 1921-22 году в Одессе переживала так называемые «дни мирного востания». «Рабочие» ходили по квартирам «буржуазии» и грабили все, что дало бы лишним для буржуа и де-факто казалось лишним для востановивших. Было очень просто сказать: вот вам ваши рабочие, вот вам

русский рабочий класс. А это был никакой не класс, никакие не рабочие. Это была портовая шпана, lumpenпролетариат Молдавии и Пересыпи, всякие отбывшие люди, так сказать, генеалогический корень нынешнего актива. Они не были рабочими в совершенно такой же степени, как не был интеллигентом дореволюционный окологородный надзиратель, бывший морду пьяному дворнику, как не был интеллигентом — то есть профессионалом умственного труда — старый барин, пропивавший последние закладные.

Все эти мистически кабинетные теории и прозрения сыграли свою жестокую роль. Они раздробили единый народ на противоборствующие друг другу группы. Отбросы классов были представлены, как характерные представители их. Большевики, почти генерально используя путаницу кабинетных мозгов, извлек из нее далеко не кабинетные последствия.

Русская революция, которая меня, как и почти всех русских интеллигентов, спихнула с «верхов» — в моем случае, очень относительно — и погрузила в «низ» — в моем случае, очень не относительно (уборка мужских сорных ям в концлагере — чего же глубже) — дала мне блестящую возможность проверить свои и чужие точки зрения на некоторые вопросы. Должен сказать открыто, что за такую проверку годом концентрационного лагеря заплатить стоило.

В те дни, когда культуру Одессы грабили «мирными востаниями», я работал грузчиком в Одесском рабочем кооперативе. Меня послали с грузовиком пересылать бобы из каких-то закромов в мешки на завод Гена, на Пересыпи. Шоффер с грузовиком уехал, и мне пришлось работать одному. Было очень неудобно — некому мешок держать. Работая. Прогрела заводской гудок. Мимо склада — он был несколько в стороне — бредут кучки рабочих, голодных, равных, истомленных. Прошли, взглянули, пошептались, вошли в склад.

— Что-ж это они, сукны дети, на такую работу одного человека поставили? Я ответил: что-же делать, вероятно, людей больше нет.

— У них-то грузчиков нету? У них по комиссариятам одни грузчики сидят. Ну, давайте, мы вам подсобим.

Подсобили. Их было человек десять — и бобы были ликвидированы в течение часа. Один из рабочих похлопал последний завязанный мешок.

— Вот, значит, ежели коллективно поднажать, так раз — и готово. Ну, закурим что ли, что-б дома не журились.

Закурили, поговорили о том, о сем. Стали прощаться. Я поблагодарил. Один из рабочих, сумрачно оглядывая мою внешность, как-то, как мне тогда показалось, подозрительно спросил:

— А вы то давно на этом деле работаете?

Я промычал что-то не особенно внятное. Первый рабочий вмешался в мои междометия.

— А ты, товарищ, дуру из себя не строй, видишь, человек образованный, разве его дело с мешками таскаться.

Сумрачный рабочий плонул и матерно выругался:

— Вот поэтому-то так все и идет. Которому мешки грузить, так он законы пишет, а которому законы писать, так он с мешками возится. Учился человек, деньги на него страчены... По такому пути далеко-о мы подем.

Первый рабочий, прощаясь и подтягивая на дорогу свои подвязанные веревочкой штаны, успокоительно сказал:

— Ну, ни черта. Мы им книжки вышлестим!

Я от неожиданности задал наивно глаголющий вопрос: кому это им?

— Ну, уж кому, это и вы знаете и мы знаем.

Повернулся, подошел к двери, снова повернулся ко мне и показал на свои равные штаны.

— А вы это видали?

Я не видел, что ответить: я и не такие штаны видел, да и мои собственные были не лучше.

— Так вот, значит, в семнадцатом году, когда товарищи про все это разорались, вот думаю, будет рабочая власть, так будет в мешки и костюмчики, и все такое. А вот с этого времени — как были эти штаны, так они и остались. Одного прибавилось — дер! Во всем так. Хозяева! Управители! Нет, уж мы им книжки вышлестим...

Насчет «книшек» пока что — не вышло.

Сумрачный рабочий оказался пророком:

пошли, действительно, далеко — гораздо дальше, чем в те годы мог бы то ни было предположить...

Прошло много, очень много лет. Потом были: «углубления революции», ликвидация кулака, как класса, на базе сплошной «коллективизации деревни», голод на заводах и в деревнях, пять миллионов людей в концентрационных лагерях, ни на один день не прекращающаяся работа подвала ВЧК ОГПУ — Наркомвнудела.

За эти путанные и трагические годы я ра-

«У ближайшего куреня собирается компания удильщиков».

ботал грузчиком, рыбаком, кооператором, чернорабочим, работником социального страхования, профработником и, наконец, журналистом.

В порядке ознакомления читателей с источниками моей информации о рабочем классе России, а также об источниках пропаганды этого рабочего класса — мне хотелось бы сделать маленькое отступление на аксаковскую тему о рыбной ловле влодочной. В илешней советской жизни это не только тихий спорт, на одном конце которого помещается червяк, а на другом дурак. Это способ пропитания. Это один — только один — из многих ответов на вопрос: как

же это, при том способе хозяйствования, какой ведется в Советской России, пролетарская и непотетарская Русь не окончательно вымирает от голода. Спасают, в частности просторы. В странах, где этих просторов нет, революция обойдется дороже.

Я знаю инженеров, бросавших свою профессию для рыбной ловли, сбора грибов и ягод. Рыбной ловлей, при всей моей бесталанности в этом направлении, не раз пропитывался и я. Так вот. Бесчисленные таборы рабочих; и использующих свой выходной день, и тех, кто добывает пропитание свое в порядке «прогулов», «слодричанья» и «летучести», бродят по изобильным берегам российских озер, прудов, рек и речушек. Около крупных центров, в частности, под Москвой эти берега усыяны «куренями» — земляночки, прикрытые сверху хворостом, еловыми лапами и мхом. Там ночуют пролетарские рыбаки или в ожидании клева отсиживают от непогоды.

...Берег Учи. Под Москвой. Последняя удочка уже свернута. У ближайшего куреня собирается компания соответствующих удильщиков. Зажигается костер, ставится уха. Из одного мешка вынимается одна поллитровка, из другого — другая. Спать до утренней зари не стоит. Потрескивает костер, побуживают пол-литровки, изголодавшиеся за неделю желудки наполняются пицей и теплом — и вот, у этих то костров начинаются самые стоящие разговоры с пролетариатом. Хорошие разговоры. Никакой мистики. Никаких вечных вопросов. Никаких потусторонних тем. Простой, хороший, здравый смысл. Революция, интеллигенция, партия, проффинплан, цех, инженеры, прощай, быт, война и прочее встают в таком виде о каком и не заикается советская печать, и таких формулировок, какие не приятны ни в одной печати мира...

За этими куренями увязались было профсоюзные культотделы и понастроили там «красных куреней» — домиков с культурной, портретами Маркса, Ленина и с прочим «принудительным ассортиментом». Из окрестности этих куреней не то что рабочие, а и окуны, кажется, разбежались. «Красные куреня» поразвалялись и были забыты. Разговоры у костров с ухой ведутся без наблюдения и руководства со стороны профсоюзных. Эти разговоры могли бы дать необычайный материал для этаких предрасстрельных «зависок удильщиков», таких же предрасстрельных, какими перед освобождением крестьян были тургеневские «Записки охотника».

(Продолжение следует)

НА ОСВОБОЖДЕННОЙ ЗЕМЛЕ

УЧИТЕЛЬСКИЙ ВЕЧЕР

Псков.
На днях во Пскове для учителей городских школ был устроен вечер, прошедший в исключительно теплой и дружественной атмосфере.

С приветственным словом к учителям обратился городской голова. Затем состоялся концерт, в котором принимали участие лучшие местные силы. После ужина начались танцы, затянувшиеся до полуночи. Расходясь по домам, учителя высказывали свое удовлетворение проведенным вечером.

ГАСТРОЛИ ТЕАТРА «СМЕХ И ГРЕХ»

Фронтовой театр «Смех и грех» на днях посетил Псков, где на сцене Малого городского театра гости дали концерт, составленный из разнообразных номеров.

Среди артистов, входящих в труппу фронтowego театра, некоторые уже знакомы псковичам. Так, например, клоуны Коко и Магнус, выступление которых, кстати сказать, понравилось зрителям больше всего, уже в четвертый или пятый раз приезжают во Псков.

Высокой похвалы заслуживает исполнение танцовщицей Ланна вальса «Сегодня я так влюблена» и танго «Модерн», а особенно «Восточного танца». Шумные аплодисменты снижали «Человек без костей» Фредлен, продемонстрировавший удивительную гибкость своего тела.

Музыкальная часть программы была представлена скрипачем Скульте и аккордеонистом Саксом, исполнившими ряд русских песен и романсов. В целом концерт оставил очень хорошее впечатление.

Было бы также желательно, чтобы ревельские и рижские гости, которые

в последнее время редко посещают Псков, чаще показывали бы псковичам свое искусство.

В ФОНД «ЗИМНЕЙ ПОМОЩИ»

Опочка.
Русский добровольческий отряд, при одной из строительных частей в городе Опочке, собрал пожертвования в фонд «Зимней помощи» суммой в 1890 рублей.

В ПОЛЬЗУ БЕДНЫХ

Себеж.
По инициативе церковного совета Себежской церкви ко дню Рождества Христова был произведен денежный сбор в пользу беднейшего населения города. Собранные деньги в сумме 3700 рублей розданы тридцати семи семьям инвалидов.

ВЕЧЕРНЯЯ ШКОЛА

Барановичи.
В Барановичах начала свою работу вечерняя школа для взрослых. Школу посещает 170 человек. Срок обучения в школе 3 года. Кроме обще-образовательных предметов, здесь преподаются также и специальные, как бухгалтерия и техническое черчение.

В ОРГАНИЗАЦИИ САМООБОРОНЫ

Косов.
Недавно Косов посетили командиры слонимских частей самообороны. После осмотра отрядов местной самообороны было организовано общее собрание жителей города Косова, на котором выступил с речью командир слонимского батальона.

НОВАЯ ГАЗЕТА

Слоним.
С нового года в Слониме начала выходить новая белорусская газета под названием «Слонимский Курьер». Вначале эта газета будет выходить только один раз в неделю.

Из фронтовых эпизодов

Он пришел ночью, когда разбушевавшаяся метель слепила глаза часовой и злой ветер завывал в голых сучьях изрешеченных пулями деревьев. Высокий, плечистый, в коротенькой потрепанной красноармейской шинели, он каким-то чудом пробрался сквозь проволочное ограждение, минные поля и поднял руки у самого передового поста. Его обыскали и направили в штаб для дальнейшего выяснения личности.

Иван Николаевич Рюмин, так звали перебежчика, спокойно переступил порог штабной землянки, поздоровался с присутствовавшими и попросил разрешения сесть. После этого, порывшись в карманах, он извлек какие-то бумаги, справки и в грязной тряпичке завернутый орден «Красного Знамени».

— Вот, — сказал он, кладя все это на стол перед дежурным офицером, — вот все документы, удостоверяющие мою личность.

— Вы орденосец? — спросил дежурный офицер.

— Да.

— Когда вами получен орден, уже во время войны?

— Два месяца тому назад.

— За боевые заслуги?

— Вот этого-то я не могу сказать. Вернее, орден получил я авансом в надежде, что я заработаю, так сказать, его задним числом.

Дежурный офицер пожал плечами, посмотрел на перебежчика, затем предложил:

— Будьте так добры, расскажите с начала до конца все о себе. Особенно было бы интересно знать, что побудило вас перейти на нашу сторону.

— Охотно, — согласился перебежчик, придвинул стул и медленно стал рассказывать.

— Как вы видите из моих документов, я — инженер — строитель. Кончи высшее учебное заведение еще при царе, работал почти на всех стройках Советского Союза, считаясь неплохим специалистом. С большевиками как-то удавалось ладить. Конечно, они знали, что я не разделяю их взглядов, но зная, что без меня им кое-где не обойтись, они попросту терпели меня и даже жалованье платили, в Москве квартиру дали.

Как вам известно, в 1932 году на Украине был страшный голод. Я в это время в Харькове работал, заканчивал строительство тракторного завода. Условия были кошмарные. Люди умирали от голода даже на улицах города, а что делалось в деревнях, так и сказать страшно. Вот на этой-

то почве и получился у меня скандал с секретарем парткома. Я хотел устроить на работу одного крестьянина, бежавшего в город с огромной семьей в четырнадцать человек. Секретарь парткома возражал против этого, ссылаясь на то, что крестьянин своим побегом подорвал авторитет советской власти в деревне. Слово за слово, случился скандал. В результате арест, допрос. Припомнили все старые грехи, социальное происхождение, убеждения и прочее. Через два месяца выездная сессия верховного суда осудила меня на десять лет со строгой изоляцией, после отбытия наказания — с лишением всех прав, сроком на пять лет. Из Харькова перевели в Смоленский спецлагерь и предложили честной работой искупить свою вину перед советским государством. Я, конечно, отказался. Я не чувствовал себя обязанным искупать какую-то вину и поэтому отверг всякие предло-

жения на этот счет. Но они и не торопили. Хорошо, сказали они, не хотите работать — сидите так.

Меня лишили книг, бумаги, газет. Целый год я сидел совершенно отрезанный от мира. Надзиратели за все это время сказали мне не больше 20-30 слов. Вызвать их на какой-нибудь разговор не было никакой возможности. Такую пытку я не выдержал, потребовал однажды бумагу и написал заявление с просьбой дать мне работу.

Работу я получил через неделю. Получил и усиленный паек. Имея возможность читать газеты, писать, следить за новейшей научной литературой, я, изголодавшийся по работе, с жадностью набросился на все это и,

спустя четыре месяца, сдал порученную мне очень сложную работу. Меня перевели в Москву и снова засадили за грандиозный проект.

Так продолжалось до 1940 года. Все эти 8 лет я ни разу не прошелся по улицам Москвы, не побывал в театре, не встретился с родными. О них, кстати говоря, я ничего не знал, хотя предпринимал множество всевозможных попыток узнать что-либо о судьбе жены и сына. Заключение в специальной тюрьме, а сутками проживал в рабочей камере и буквально убивал себя работой. Работал до изнеможения.

Наконец, в 1940 году, мне разрешили поселиться на вольной квартире в Москве. Правда, я был под вечным наблюдением всевозможных осведомителей, но все же это была уже не тюрьма.

Перед самой войной я получил письмо с Дальнего Востока от давнишнего приятеля. Он как-то очень туманно намекал мне, что знает кое-что о моих родных. Второго письма я не дождался. Началась война и я, как специалист — строитель, был взят для сооружения всевозможных укреплений. Никакого особого героизма в этом деле не проявлял, однако, по приказу из Москвы меня наградили орденом и довольно крупной суммой денег. Меня пытались подкупить. В это же время, я, наконец, дождался письма от своего дальневосточного приятеля. Оказывается, мою семью постигла участь многих семей в Советском Союзе. После моего ареста, семью выслали из Москвы в Иркутск, затем перебросили в Читу, а из Читы в какой-то маленький городишко на Енисее. Жену направили на сплав леса, а сын работал грузчиком. Это, понимаете, 16-летний мальчик — грузчиком!

Не отличаясь особо крепким здоровьем, жена заболела и умерла не то в 1934, не то в 1935 году. Сынишка же попытался на каком-то английском пароходе бежать за границу. Конечно, был пойман и расстрелян, как враг народа. А меня хотеликупить орденом и деньгами!

Я перешел на сторону немцев не для того, чтобы избежать опасности передовой линии. Смерть для меня не так уж страшна. Я перешел для того, чтобы отдать все свои силы и знания для борьбы с палачами самых дорогих мне людей.

— Вот и все, — заключил перебежчик. Он встал, и прошелся по землянке. «Ну, а теперь разрешите пожать ваши руки, надеюсь сработаемся!» В. Блюм.

Одна из многих

(От нашего корреспондента)

Отец Сони А. — профессор литературы в Оренбурге был арестован и сослан. Дальнейшая судьба его неизвестна. Мать умерла. Девочка прекрасно училась в средней школе. Оставшись одна — она переехала в Шлиссельбург, к тетке, где с трудом продолжала учебу, мечтая о высшей школе.

С началом войны Соне пришлось эвакуироваться из Шлиссельбурга. После долгих странствований, она попала в Гдов; одна тетя умерла в дороге. Источенную, совсем растерявшуюся от ударов судьбы, девушку-подружку приютили в Гдовском детском доме.

Соня быстро освоилась в новой обстановке и стала вскоре незаменимой помощницей старушки-поварихи. Под ее руководством Соня изучила новое для нее ремесло. Осенью 1943 года детский дом эвакуировался из Гдова. В Литве, в местечке Ш., куда переехал этот детский дом — Соня поступила на работу по хозяйству в семью местного врача.

Когда Соня уезжала из Гдова — некоторые люди сулили ей всякие ужасы на чужой стороне.

Но никаких ужасов не оказалось.

Сейчас Соня довольна своей судьбой. У ней отдельная, теплая комнатка. Она живет в доме врача — как член семьи. Вполне сыта, хорошо одета. Работа по хозяйству ей нравится. Свободное время Соня посвящает чтению. Местный ксендз предоставил к услугам девушки прекрасную библиотеку, в которой много русских книг. Соня — постоянный клиент этой библиотеки. Она много читает, занимается самообразованием и продолжает мечтать о высшей школе.

Глядя на эту серьезную, стойкую и жизнеспособную девочку — сироту, знающую, к чему ей следует стремиться, можно уже теперь с уверенностью сказать, что она одна из тех, кто не на словах, а на деле примет участие в строительстве Новой свободной России. И одна из тех, кто Новую Россию построят.

Ан. Алексеев.

С. Любичий

Лирика А. Н. Майкова

Из цикла „Бог в русской поэзии“

Аполлон Майков, один из известнейших наших поэтов, родился в 1821 году в селе Никольском Московской губернии.

За несколько лет до своей смерти, последовавшей в 1897 году, поэт написал для самого себя следующее надгробное слово:

... Говорит мне тайный голос,
Что не воще душа моя
Здесь и любия, и боролась
В ней есть свое живое «я»...
И жизнь не сон, не сновиденье,
Нет! Это — пламенный святой,
Мне озаривший на мгновенье
Мир-и небесный, и земной.
И смерть — не миг уничтоженья
Во мне того живого «я»,
А новый шаг и восхождение
Все к высшим сферам бытия.

В этих глубоких, мудрых и звучных стихах отражены прекрасная жизнь и прекрасное творчество Майкова, чья лирика, по выражению одного критика, — «неисчерпаемый клад красоты и мудрости». Родная природа, русская история, античный мир, Италия, европейское средневековье — все одинаково вдохновляло поэта. И каких бы тем Майков не касался, во всех его произведениях сквозит христианское настроение. Поэт был глубоко убежден, что религия является основой всякой исторической

жизни, а православное христианство неиссякаемым источником живой воды, постоянно утолявшим жажду русского человека.

Русь собирали и скрепляли
И ковали броню ей
Всех чинов и званий люди,
Под рукою ее царей.
Люди Божьи, проникая
В глушь и дикие места,
В дух народный насаждали
Образ чистого Христа.

Майков благоговейно относился к Православию, к набожности своего народа, часто говорил в стихах о храмах, благочестивых князьях, святителях и подвижниках русской земли (из рода Майковых был знаменитый святитель 15-го века Нил Сорский). Глубоко верующий христианин в личной жизни, поэт был тактовым и во всех своих произведениях. Он считал Россию по природе христианским царством и хранительницей истинно христианского духа. Его постоянным стремлением было «вознестись к высшему религиозному началу и в нем слиться со своим народом».

Такое слияние с высшим началом достигается, прежде всего, соборной молитвой:

Когда, гоним тоской неутомимой,
Войдешь во храм и станешь там в тиши,
Потерянный в толпе необозримой,
Как часть одной страдающей души, —
Невольно в ней твое потонет горе,
И чувствуешь, что дух твой вдруг влился
Таинственно в свое родное море
И заодно с ним рвется в небеса.
Молитва может сблизить, соеди-

нить в один религиозный порыв людей, друг другу незнакомых, совершенно чуждых. Вдали от родной земли, на альпийской дороге путник видит деревянный крест, облитый сияньем утра, и перед ним — стоящего на коленях ребенка. Этого ребенка проезжий не знает, видит в первый раз и никогда больше не встретит, но религиозное чувство как бы сблизает на мгновение обе стороны, и поэт мысленно обращается к молящемуся:

Помолись, душа святая,
И о странных, о чужих,
О тоскующих, далеких,
И о добрых, и о злых.
Помолись, душа святая,
И о том, чей путь далек,
Кто с душой, любовью полной,
Всюду в мире одинок.

Поэту дорог тот час, когда пылает свеча и торжественно поет клир, когда «светлый ангел упования пролетает над толпой», дорог «яркий воск, возжженный чьей неведомо рукой» перед иконой, одетой в золотую ризу.

Это — светлое мгновенье
В диком мраке и глуши,
Память слез и умиления
В вечность канувшей души.

Счастливы тот, кто знаком с такими мгновеньями, когда дух вливается в свое родное море и заодно с ним рвется в небеса, когда над толпой пролетает светлый ангел упования. «Блажен, кто сохранил еще знаменовать обычав отцом, их темного преданья, ответственность слезой на пение псалма; кто, волей оторвав сомнения ума, Святую Библию читает с умилением и, вняв церковный звон, к ночи, с благоговеньем, с молитвою зажег пред образом святым свечу заветную и плакал перед ним».

Русский православный народ — самое дорогое для Майкова из того многого, что поэт любил. Оттого, любяся урожаем, он восклицает:

О, Боже, Ты дашь для родины моей
Тепло и урожай — дары святые неба,
Но, хлебом золоты простор ее полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба.
О, дай нам солнышка, пошли Ты ведра
нам,
стариками,
Притти на тучные их нивы подышать
И, позавябь, что мы их полили слезами,
Промолвить: «Господи! Какая благодать!»

Ночью, на жнивье, «как будто кто-то неземной, под белой ризой и с венцом над этой нивой трудовой стоит с серебряным серпом и шлет в сверкании зарниц благословенья на поля». А там, навстречу, «в легких нитях, белой дымкой, на лазурь сквозясь, облачка бегут по небу, с ветерком резвясь... Любо их следить очами! Выше — вечность, Бог». О вечности и о Боге, по мнению Майкова, всегда будет говорить поэзия, ибо она «олицетворение Божества», «венец познанья, над злом и смертью торжество», в ней — полнейшее, всеовершенство воплощение Красоты, переносящей нас в царство вечного духа. Она — «эдемской двери властелин и верный страж ее от века», и вместо временной чаши нег предлагает человеку венец вечных пальм.

Подъемлют спор за человека
Два духа мощные: один —
Эдемской двери властелин
И вечный страх ее от века.
Другой — во всем величье зла,
Владыка сумрачного мира:
Над огненной его порфирой
Горят два огненных крыла.
Но торжество кому ж уступит
В пылу рожденный человек?
Венец ли вечных пальм он купит
Иль чашу временную нег.

Религия и поэзия — это торжество Светлого Ангела. Упадок их — это победа «владыки сумрачного мира». В извечной борьбе двух начал заслуживает «венец вечных пальм» всякая истинная поэзия. А такой является и лирика Майкова.

С. Любичий.

А. МАЙКОВ.

Пейзаж

Люблю дорожкой лесною,
Не зная сам куда, брести;
Двойной глубокой колею
Идешь — и нег конца пути...
Кругом дестреет лес зеленый;
Уже румянит осень клены,
А ельник зелен и тенист;
Осинник желтый бьет тревогу;
Осыпался с березы лист,
И, как ковер, устлал дорогу...
Идешь, как будто по водам —
Нога шумит... а ухо внемлет
Малейший шорох в чаше, там,
Где пышный папоротник дремлет,
А красных мухоморов ряд,
Что карлы сказочные спят...
Уж солища луч ложится косо...
Вдали проглянула река...
На тряской мельнице колеса
Вот шумят издалека...
Уж на дорогу выезжает
Тяжелый воз — то промелькнет
На солнце вдруг, то в тень уйдет...
И криком кляче помогает
Старик, а на возу — дитя,
И деда страхом тешит внучка;
А, хвост пушистый опустя,
Вкруг с лаем суетится жучка,
И звонко в сумраке лесном
Веселый зай идет кругом.

В. ФИЛИСТИНСКИЙ

Поэт русского пейзажа

О выставке художника Евгения Евгеньевича Климова

... Печалью согрета
Гармония и наших муз, и дев.
Но нравятся их жадобный напев.

Эти пушкинские строки невольно звучат в душе, когда стоишь перед пейзажами Е. Е. Климова. Русский пейзаж. И пейзаж балтийский, итальянский, парижский, но воспринятый русской душой, русскими глазами. Ибо и в чужом ищет душа своего родственного. И только слабые ищут в нем экзотики. А посмотрите на эти авто-литографии Климова с итальянскими архитектурными пейзажами — разве они не восприняты как-бы сквозь Троицкие врата «ветхого града Ольгина» — Пскова? И «печальный грунт небес» рижского взморья разве не перекликается с огромным куполом русского неба? Иначе и не может быть. Ведь душа наша отбирает из безграничного океана вещей и явлений только то, что ей по духу. Особенно удаются художнику прозрачные дали ранней весны, ростепели, золотой осени,

Та крохоткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!

Эти «золототканые дни сентября», печально-радостный хлюп мокрого мартовского снега и брызги солнца на тающих снегах или голых, раздетых осенними ветрами деревьях... Хорошо! Воздух и солнце, даль и безбрежное небо — вот стихия Климова. Солнечные пейзажи удаются, поэтому, ему больше, нежели сумеречные. Последние чуточку сентиментальны. А муза Климова — не муза уныния, а бодрящая солнечная девушка лирического раздумья. И как тени на утреннем солнечном снегу, тонкая дымка типично-русской грусти легко скользит по пейзажам, делая их неуловимо родными и неуемно близкими.

Есть и неудачи. Иногда стремление к некой стилизации убивает «душу живую» художника, и картина становится холодной и непесенной. Художник тонко и глубоко чувствует стиль, но не всегда удачно привносит

Климов. Уголок Риги.

элемент чуждых ему, по существу, стилизованных изысков в свои картины. Но Изборск, написанный в монументальной манере, — найден очень хорошо. Не мешает и «псевдо-мозаичность» (картина написана в качестве как бы «картона для мозаики»). Скупость и простота линий удивительно подошли к теме. Особенно это заметно при сопоставлении «мозаики» с обычным маслом, висящим рядом. Тот же Изборск. Та же Изборская крепость. И написана очень хорошо. Залитый солнцем древний городок, освещенный глубоким дыханием истории. Но чего-то не хватает. Ведь эта куча хлипких покосившихся изб, эти из-

грызенные столетиями камни башен и церквей, эти холмы и могильники — овеяны богатырскими преданиями и летописными легендами; земля и небо этого города наполнены многими поколениями, и варяжские скалды и русские сказатели не раз и не сотню раз поминали землю изборскую в пес-

Е. Е. Климов.

нях и сагах своих! И суровые линии «мозаичного» Изборска — своей скупой мелодической линией больше соответствуют теме, чем импрессионистическая манера висящего рядом солнечного мертвого городка. Не гармония, а мелодия. Широкие плоскости и скупая линия. И, кажется, встает ветхий Трувор, оглашая земли и воды свои зычной медью боевого рога. Художник рассказывает, что он долго искал соответствующие его замыслу формы для своего Изборска, и лишь попутная работа над мозаичной иконой натолкнула его на монументализм, как нужное ему обличье мысли.

Изборску посвящено немало картин, этюдов и автолитографий Климова. Еще больше, пожалуй, посвящено Пскову. Наше внимание особенно привлекли псковская Успенская улица, вид на Троицкий собор с берега Пскова (пониже Петропавловского собора) и ряд чудесных литографий (особенно крыльцо Солодежни). Художник необычайно чуток к архитектурным памятникам. Старинные русские церквушки, стены и башни, так чудесно дополняющие и «разъясняющие» пейзаж, не являются для него бесформенной кучей камней или однообразными белыми кубами с луковичами куполов. Игра светотени на живописно-корявой поверхности невыглаженных под правило стен, однообразно-прихотливые линии звонниц и хитровато-задумчивый ухмыл узеньких стрельчатых окошек — все это живет, грустит, смеется, рассказывает были и небывлицы давних и недавних дней.

А вот и толстые приземистые башни Ревеля, Шведские ворота или уютно-деловые ганзейские склады Риги. Остроконечные, они царапают щипцами своих черепичных кровель небо, и из расцарапанных облаков моросит мельчайший приморский дождик. Но художника влечет на Московский форштадт, где уездную дере-

вяную линию старых торговых рядов так живописно организует картузная седобородая голова староверакупца, помещенная на переднем плане. А рядом — пожилая баба (попечное изображение также на переднем плане) на фоне как бы кондовой избной Руси. И задумчивая просинь неба оттеняется строгими, суровыми тонами бабьего платка и одежды. Тот же Московский форштадт на литографиях. Из них наиболее запомнилась заснеженная даль улицы, подчеркнутая дальними санками случайного ездока.

А вот и сказочный пейзаж пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Удивительно удачный, глубокий синеголубой тон, певучий и сказывающий вечную повесть о священной непомерности человеческих притязаний...

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря...

Чуть-чуть поблескивает невод, мерцает в землянке вещей друг и неприятель — огонь, и волхвующая сказка переплескивается через узкую рамку картины. Сказочный пейзаж разрешен правильно. Нет ни билибинской сусальщины и коврового цветения, нет и тупого натурализма, рвущего тонкие солнечные или сумеречные лучики сказки. Былевой, былинный пейзаж — Изборск; сказочный — «Золотая рыбка»; исторический, летописный (но отнюдь не сухой археологический) — пейзаж — Псков. И просто лирический пейзаж — березки, снеги, овраги, солнечные блики на штукатурке домов и прозрачной листве деревьев.

При этом этюд еще более легки, непринужденны и запевны, чем законченные картины. Но это и понятно. Ведь неуловимое многообразие и вечная незавершенность жизни может, по существу, передать лишь мгновен-

Климов. Изборск.

Первая молитва за Русскую землю

Из цикла «Земля и люди русские»

Единство русской земли выстрада-но русским народом. Было время, когда самая мысль об этом единстве была, казалось, потеряна в кровавой неразберихе княжеских усобиц. Было время, когда Русская земля не имела даже названия. В те времена, Русской землей называлось только княжество Киевское. Еще в 1152 г. князь Владимир Галицкий, отпуская с издевательствами киевского посла, говорит приближенным:

«Смотрите, воин русский, боярин поехал, все города побрал».

Русский — значило киевский. Но постепенно название Русская земля стало обозначать то, что оно обозначает теперь: наше отечество. И за множеством княжеств, всегда готовых к походу, чтобы жечь друг друга, все яснее и яснее выступала мысль об единстве этой раздробленной и истекающей кровью в вечных усобицах земли.

Древнейшим документом, в котором название — Русская земля приложено ко всему нашему отечеству, и мысль о единстве этого отечества, выраженная с трогательным чувством, является описание паломничества ко Гробу Господню игумена Даниила.

Игумен Даниил, человек кроткой и глубокой души, был в Иерусалиме в начале XII в., вскоре после завоевания его крестоносцами. Очень терпимо и благожелательно отзывался он о католиках, лелея редкую в его время широту взгляда. Очень привлекателен в его изображении и Балдуин, король иерусалимский: «Муж благоден и смирен вельми и не гордит».

К этому благочестивому и смиренному государю русский игумен обратился с такой просьбой:

«Княже, мой-господне! Прошу Тебя ради Бога и ради князей русских, позволь мне поставить на Святом

Гробу свое кандило (лампаду) от всей русской земли». Балдуин, рассказывает Даниил «с тщанием и любовью повел ми поставить кандило».

Таким образом, у Гроба Господня зажглась первая лампада за Русскую землю и одним из лучших ее сынов была вознесена за отечество теплая молитва.

Не за своего только князя молился Даниил, но за всех князей Русской земли, которые в глазах его были живым выражением ее единства. «И о сем похвалил Бога моего, — писал Даниил, — что сподобил мя, худого, имени князей русских написати в лавре св. Саввы и ныне поминаются имена их с ектенья и с женами и с детьми. Се же имена их: Михаил-Святополк (Святополк II, кн. Киевский), Василий - Владимир (Владимир Мономах), Давид Святослав, Михаил-Олег, Панкратий - Святослав (князя Черниговские), Глеб Минской (Минский) и сколько есть помнил».

Всех князей, конечно, упомянуть было трудно. Не все были известны Даниилу, а из известных не все были ему симпатичны. Но он хотел молиться за Русскую землю и потому упомянул всех русских князей, как вождей ее.

Прекрасное описание своего путешествия Даниил заканчивает следующими словами обращенными ко всем русским читателям:

«Бога ради, братья и господа мои, не осудите мое художество и грубость. Не в собственную похвалу писал я, но ради Гроба Господня. Кто с любовью прочтет, да награду примет от Бога Спаса нашего, и Бог мира со всеми вами во веки веков. Аминь».

Так, в пещере, где почти за тысячу лет перед тем положено было тело Распятого Господа, родилось русское национальное самосознание.

Т. Лютов.

Климов. Риж. Александровские ворота. Литограф.

ное поэтическое озарение этюда. Картина неизбежно несколько мертвит, заканчивая и вводя в рамки это принципиально незаконченное и изменчивое, что мы называем жизнью.

Все, что колеблется в явлении летучем,
Вы закрепляйте комсомолом могучим!

Выставка открылась в помещении
салона художников (Рига, Известко-

вая улица, д. № 80) в 11 часов утра в воскресенье 23 января. На открытии было много, очень много народа. И мы думаем, что не только нам доставила выставка так много радости и солнечной ласки. Нет, не только нам. Ибо есть что-то чарующее в высоком русском небе, в древних камнях намоленной русской земли и в русской пейзажной живописи, певучей и душевной.

Спасибо же художнику - поэту, который в наши суровые дни заставляет нас любовно обратиться к родной земле, из которой и черпает человек свои силы — духовные, душевные и телесные. Спасибо!

ВОРИС ФИЛИСТИНСКИЙ

Родина

Посвящается Е. Е. Климову.

Это бледное грустное небо,
Это тонкая радость весенней прозрачной березы

И блестящие листья деревьев,
Кумачовая сельская Геба,
Встреч нечаянных глупое счастье и глупые слезы,
Квас с крошечкой из лука и хлеба,
Разудалой гармошки напев...

Сердце родины, сердце ненастья!
Под ногами земля, словно матери млечные груди,

Убаюкает горе твою...
Ветер шепчет про юность, про счастье,
Васильковые очи, погасшие в солнечной груди,

Про степное раздолье беззастыжья,
Вековое моленье мое...

Колес непролазной дороги
Вдаль бегут и маяят в солнцепек беспредельной равнины

И в молитву заволжских лесов:
Там скиты задумчивы и строги —
Одинокие кельи среди сосняка и рябины,
И лесные забытые боги
Умножают монашеских бесов...

Вечерет Златятся березы.
Тихий звон опрокинулся в светлое зеркало реки,

И вздохнула суровая ель...
Потянулись коровы и козы
Скит весь в брызгах заката, а купол огнистый, как свечка...

Встреч нечаянных глупые слезы,
Русской песни задумчивый хмель...

Климов. Печорский монастырь.